

Сюань Минь не был человеком, лишённым здравого смысла, а раз этот вредный дух изложил всё логично и обоснованно, он просто поднял руку и убрал пресс для бумаги.

Сюэ Сянь приподнялся, опираясь на столешницу, и покачал головой, пытаясь привыкнуть к головокружению, похожему на ощущение «каменной горы на макушке». Помотав бумажной головой, он протянул Сюань Миню обе руки и довольно бесцеремонно потребовал: — Где моя бусина? Отдай сюда!

Сюань Минь указал пальцем в центр стола и произнес: — Сначала ты...

— Хватит болтать, отдай быстрее, — нетерпеливо перебил его Сюэ Сянь.

Сюань Минь умолк, молча поглядел на него пару мгновений, а затем положил золотую бусину размером с овечий глаз прямо на те бумажные лапки.

Бряк!

Золотая бусина весила немало, разве же бумаге удержать такую тяжесть?

Сюэ Сянь почувствовал, как его лапки резко потянуло вниз, в глазах у него потемнело, и злосчастная бусина утянула его со стола прямо на пол.

— ...

Жить так было решительно невозможно.

Когда Сюань Минь подобрал этого вредного духа с пола, те две лапки по-прежнему мёртвой хваткой вцепились в золотую бусину и не выпускали её, словно помешанный на богатстве скряга.

— Я ведь просил тебя сдвинуться лишь немного ближе к центру, — Сюань Минь опустил взгляд и посмотрел на него. — Будешь снова перебивать без разбору?

Сюэ Сянь мысленно выругался: «Тьфу! Какое тебе дело!» Однако он так сильно ушибся при падении, что теперь опасался, как бы этот лысый чёрец сдуру не конфисковал его драгоценную бусину, поэтому с явной неохотой пробурчал: — Ладно, в следующий раз так и быть, позволю тебе договорить.

Он прижался к золотой бусине и пару раз прокатился по столешнице, пока глухой звук «дзинь» не возвестил о том, что он обо что-то ударился. Тут он и вспомнил, что из каменной жерновной мельницы выпало кое-что ещё.

Припав к золотой бусине, Сюэ Сянь пригляделся и увидел, что врезался в серебряный круглый диск размером с абрикос. Посередине диска шла тонкая щель, и при малейшем толковании она издавала тихий мелодичный звон.

— Что это за штука? — спросил Сюэ Сянь и тут же откатился в сторону.

Если взглянуть издалека, перед ним по-прежнему лежала какая-то невиданная вещица.

— Это врачебный колокольчик, — неожиданно раздался голос Цзян Шинина.

Сюэ Сянь, прилипший к золотой бусине с поразительной точностью, покачнувшись, как неваляшка, докатился до каменного пресса для бумаги и только тогда остановился, врезавшись в него: — Ты очнулся?

— Я не спал, просто раньше не мог произнести ни слова, — ответил Цзян Шинин. — А теперь, должно быть, из-за наступившей ночи вдруг снова обрёл голос.

Его голос звучал необычайно мягко и тепло; в нём появилась какая-то неуловимая жизненная сила, исчезла прежняя мертвенность — казалось, будто... он внезапно разрешил какое-то тягостное дело, и на душе у него стало легче.

Едва смолкнув, он соскользнул со стола на стул, а со стула — на пол, вновь принимая облик простого учёного.

Он протянул руку и поднял тот самый колокольчик. Поглаживая его пальцами, Цзян Шинин произнес: — Это колокольчик моего рода.

Сюэ Сянь опешил: — Твоего рода?

— Угу, — Цзян Шинин кивнул и показал Сюэ Сяню сторону колокольчика, на которой было вырезано имя: Цзян Юн.

— Это мой прадед, — пояснил он. — Прадед был странствующим лекарем и целыми днями ходил по улицам и переулкам, исцеляя людей. В те времена лекари для привлечения внимания вешали на свои медицинские сундучки серебряные колокольчики. Куда бы они ни шли, те звенели, и хворые люди, услышав звон, выходили просить помощи. Этот колокольчик принадлежал моему прадеду. Нынче таких странствующих лекарей почти не осталось, в основном все сидят в солидных врачебных лавках и аптеках. Моя семья из поколения в поколение занималась врачебным делом, и чтобы не забывать истинных истоков, этот колокольчик передавался от прадеда прямо в руки моих матушки и батюшки.

— Твоих матушки и батюшки? — брови Сюань Миня сошлись на переносице. Он протянул руку, взял у Цзян Шинина колокольчик, окинул его взглядом, а затем пару мгновений в тишине

водил по нему пальцем, прислушиваясь. — Есть ли у тебя живые кровные родственники?

— Есть, старшая сестра выдана замуж далеко в Аньцин и избежала этой беды, — ответил Цзян Шинин.

— Души твоих родителей заперты в этом колокольчике. В отличие от госпожи Сюй, привязанной к каменной жерновной мельнице, их пока невозможно отправить к перерождению. Для этого понадобятся три капли крови из точек лао-гун твоего кровного родственника, живущего на этом свете, — сказал Сюань Минь.

— Крови из точек лао-гун? — Цзян Шинин происходил из семьи врачей, поэтому сразу понял слова Сюань Миня. — Вы имеете в виду свежую кровь из точек лао-гун на ладонях?

Сюань Минь кивнул.

Он вернул колокольчик Цзян Шинину и бросил взгляд на лежавший неподалёку матерчатый узелок.

Сюэ Сянь проследил за его взглядом и как раз заметил в узелке ещё одно длинное благовоние.

Ткнув в него пальцем, он поинтересовался: — Лысый, на упоение этой старухи Лю тебе хватило одного благовония. Зачем же второе?

Сюань Минь ответил без утайки: — Чтобы проводить в путь этого книжника.

Цзян Шинин ещё не успел отреагировать, как Сюэ Сянь уже вскинул голову: — Что?! Ты...

Он не успел договорить, как Сюань Минь вдруг резко уперся руками в стол, тяжело нахмурившись и прикрыв глаза — судя по всему, ему внезапно стало нехорошо.

Сюэ Сянь остолбенел и замолчал, разглядывая его: — Лысый?

Он пару раз окликнул его наугад, но Сюань Минь не отвечал, а просто сидел на стуле с закрытыми глазами, словно погрузившись в медитацию ради восстановления сил. Маленькая родинка на его шее внезапно изогнулась, выпуская наружу несколько тончайших красных нитей — на первый взгляд казалось, будто на ней притаился крошечный паук.

Впрочем, Сюэ Сянь не обратил внимания на такую мелочь. Поглазев на Сюань Миня какое-то время и убедившись, что тот не померёт, но и очнуться пока не сможет, он украдкой поманил Цзян Шинина.

Спустя примерно время, необходимое для заваривания чая, по тропинке, ведущей из Резиденции Отражения Облаков в пригороды уезда Нинъян, торопливо шагал хрупкий, болезненного вида книжник. На его плечах восседал бумажный человек, который, словно одержимый жаждой наживы скряга, прижимал к груди золотую бусину.

То были Цзян Шинин и Сюэ Сянь.

— Я... — ускорив шаг подгоняемый Сюэ Сянем, Цзян Шинин с сомнением начал: — Мне всё же кажется, что это не совсем правильно.

— Что именно неправильно? — поинтересовался Сюэ Сянь, поглаживая свою золотую бусину.

— Самовольно пуститься в путь, оставив мастера одного, — ответил Цзян Шинин.

Сюэ Сянь бросил на него сердитый взгляд: — Послушай, книжный червь, ты часом не во сне бредишь? Он — тот, кто ловит нечисть, а мы — те, кого поймали. Ты когда-нибудь видел, чтобы сбегающие из каторжной тюрьмы арестанты брали с собой надзирателя?

— Не видел. — На первый взгляд это звучало вполне разумно. Поразмыслив над словами Сюэ Сяня пару раз, Цзян Шинин всё же не удержался: — Но...

Сюэ Сянь: — Никаких но.

Цзян Шинин: — Однако...

Сюэ Сянь: — И никаких однако.

Цзян Шинин с унылым видом покосился на него.

Сюэ Сянь всем телом навалился на золотую бусину и с бесстыдным видом заявил: — Я всегда руководствуюсь именно такой логикой.

Цзян Шинин: — ...

Ночью в уезде Нинъян действовал комендантский час. На перекрёстках дорог уже выставили деревянные рогатки и караульные будки, а несут службу около них дозорные стражники, потягивая вино из бурдюков, чтобы согреться в ночную пору. Четверо городских ворот — на востоке, западе, юге и севере — были наглухо заперты. Обычным простолюдинам, вздумай они покинуть город в такой час, пришлось бы либо уходить под землю, либо отрачивать крылья.

Впрочем, для этих двоих, нечисти по своей природе, подобные ограничения создавали куда

меньше хлопот.

Бумажное тело Цзян Шинина в такие моменты являло свои преимущества: при необходимости оно могло сжиматься в тончайший лист, делая его непревзойденным мастером проскальзывания сквозь щели и двери.

— Поворачивай на восток.

— На следующем перекрёстке прижмись к стене и сворачивай в переулок.

— Иди прямо и забирай на запад.

Глаза у Сюэ Сяня были куда острее собачьих — он неизменно издалека замечал дозорных в тени и командовал уверенно, безапелляционно и властно. А поскольку Цзян Шинин отличался мягким нравом и уже привык подчиняться указаниям Сюэ Сяня, стоило тому открыть рот, как он тут же послушно исполнял приказание, даже не пытаясь размышлять.

В конце концов Цзян Шинин поверил на слово этому проводнику, но пройдя изрядное расстояние, не выдержал, остановился и с убитым видом вымолвил: — Уважаемый предок, смилуйся, захлопни рот.

Сюэ Сянь покосился на него: — Что? Разве мы шли плохо? И ни один из ночных дозорных нас не заметил.

Цзян Шинин раздражённо бросил: — Да, не заметил. Но мимо этой лавки тканей я прохожу по меньшей мере в третий раз! Если мы и дальше будем петлять по твоим указкам, из города не выберемся и в следующем году.

Сюэ Сянь прижал к себе золотую бусину: — Хм-м... небо хмурится, надо бы поскорее подыскать место для ночлега.

Цзян Шинин: — ... — Ах ты ж бесстыдный и надменный пройдоха!

Лишившись руководства этого завязатого топографического кретина, Цзян Шинин зашагал куда быстрее. Очень скоро они выбрались из переулков, где сделали уже три круга, и вышли на главную дорогу.

— Знакомое здание, — огляделся по сторонам Сюэ Сянь, находя всю эту улицу до боли привычной.

Цзян Шинин хмыкнул: — Ты ведь совсем не ориентируешься в дороге. Мы же только сегодня утром здесь проходили, как ты умудрился тут же всё забыть?

После этого напоминания Сюэ Сянь наконец вспомнил: если пройти по этой улице чуть дальше и свернуть с переулка на восток, можно было увидеть усадьбу советника Лю. Ночью стояла тишина, и любые звуки казались гораздо отчётливее, чем среди бела дня. Проходя мимо перекрёстка, они бросили взгляд на знакомые ворота и смутно расслышали доносившиеся из глубины двора невнятные голоса: казалось, там кто-то спорил или происходило что-то ещё, но в любом случае место не выглядело мирным.

Шаги Цзян Шинина слегка замедлились.

Сюэ Сянь повернул голову и мазнул взглядом по усадьбе семьи Лю: — Что? Хочешь дожидаться, пока зло получит по заслугам?

— Это личные дела советника Лю, ко мне они больше не имеют отношения, — покачал головой Цзян Шинин и, не задерживаясь больше ни мгновения, зашагал в сторону городских ворот.

Пожалуй, сказывалась врачебная природа: в глубине души он всё же не мог спокойно смотреть на чужие страдания, хотя, возможно, именно это и составляло самую резкую границу между ним и такими людьми, как советник Лю.

За стенами уезда Нинъян лежало множество горных лесов — в основном пологих и живописных, лишённых опасных круч и обрывов.

В былые годы, поскольку государственный наставник был монахом, в диких горах и окрестностях различных областей и управ как грибы после дождя выросло множество горных обитателей, и одно время там процветали щедрые жертвоприношения. Однако в последние годы — неведомо почему — зима наступала всё раньше, и даже на юге без конца шли снега. Говорили, что обильный снег сулит хороший урожай, но как нарочно, осадков в те годы выпадало маловато, урожаи не удавались, и простому люду приходилось всё туже. Прожить бы собственным трудом — какие уж тут щедрые пожертвования на благовония в храмах!

Вот и множились заброшенные горные кумирни, превращаясь в приюты для путников, ищущих временного ночлега.

Когда Цзян Шинин привёл Сюэ Сяня на гору Цзи Петух и они расположились на ночлег в заброшенном храме, снаружи уже шёл снег.

Едва переступив порог, Сюэ Сянь выбрал самое лучшее место: этот бессовестный дух прямо с пола зачерпнул охапку сухой соломы, устлал ею подножие статуи Будды и, ничтоже сумняшеся, опершись о статую, уселся на неё. Ему больше не нужно было спешить в дорогу, а потому отпала необходимость тщательно поддерживать облик бумажного человека — он вновь обрёл истинный облик.

В чёрных одеждах, с ленивой и лишённой костей расслабленной посадкой, он уперся локтем в лотосовый постамент изваяния, а подбородок беспечно подпер расслабленными суставами

согнутых пальцев. Другой рукой он по-прежнему вертел свою драгоценную золотую бусину.

Цзян Шинин потёр переносицу, чувствуя, что от общения с этим предком у него начинает раскалываться голова: — Пусть храм и заброшенный, но хоть какое-то приличие должно быть? Разве пристало сидеть на статуе Будды?

Сюэ Сянь небрежно хлопнул изваяние по ноге: — Поделился со мной половиной места. Недоволен — подай голос.

Он даже с совершенно серьезным видом выждал мгновение и приподнял подбородок, глядя на Цзян Шинина: — Видишь? Не возмущился.

Цзян Шинин: — ...Делай что хочешь, я больше в это не вмешиваюсь.

Он сдул пыль с покрытого серым налётом подсвечника перед статуей, попросил у Сюэ Сяня лучину для розжига и, старательно пытаясь запалить отсыревший старый фитиль, изо всех сил следил, чтобы огонь не перекинулся на его собственные пальцы.

— Где ты раздобыл эту лучину? — подпалив фитиль и затушив огоньком пальцы на конце лучины, попутно поинтересовался Цзян Шинин.

— Умыкнул из узелка того лысого перед уходом, — не покраснев и не моргнув глазом, ответил Сюэ Сянь.

Цзян Шинин лишь вздохнул: — Пожалуй, я впервые вижу беглеца из каторжной тюрьмы, умудрившегося стащить вещи надзирателя.

Сюэ Сянь: — У него этого добра в избытке.

Стоило зайти речь о Сюань Мине, как Цзян Шинина вновь одолевало смутное беспокойство. Он не удержался и спросил Сюэ Сяня: — Скажи, ты почему-то особенно не взлюбил этого мастера? Из-за того, что он нас поймал?

Сюэ Сянь покачал головой.

— Тогда к чему такая спешка с тем, чтобы от него отделаться? Прости за прямоту... — Цзян Шинин указал сначала на себя, а затем на Сюэ Сяня, — ...мы оба не способны ни тяжести носить, ни за себя постоять. Если в дороге встретится какая-то напасть, нам придётся туго. У меня при себе лишь врачебный колокольчик, он ничего не стоит, но вот с твоей золотой бусиной всё куда сложнее. Вдруг на неё кто-нибудь позарится...

Сюэ Сянь перекачивал бусину между пальцами, крутя её на свету у пламени свечи.

Причина, по которой он сорвался в бега среди ночи, действительно существовала, и крылась она в золотой бусине, воплощавшей Тело Истинного Дракона. Ныне его истинное тело еще не восстановилось, и связь с бусиной оставалась донельзя призрачной: даже зажатая вот так в пальцах, она почти никак им не ощущалась — казалось, будто он держит самую обыкновенную бусинку.

Однако Сюань Минь был совсем другим. Странные движения кожи и мышц под его поясом выглядели чересчур подозрительно: раз это можно было счесть за обман зрения, то дважды — уже никак не проигнорировать.

Пусть Сюэ Сянь по-прежнему не видел за работой мастера настоящих чар, он практически не сомневался: Сюань Минь вовсе не так прост.

Сейчас сам он не ощущал от бусины никакого отклика, а вот Сюань Минь вполне мог его уловить. Чем дольше он оставался рядом с Сюань Минем вместе с бусиной, тем сильнее та подвергалась чужому влиянию. А если с бусиной что-то случится, о восстановлении драконьего облика можно и вовсе забыть.

К тому же...

Сюэ Сянь бросил взгляд на Цзян Шинина: — Происхождение у него тёмное, цели и вовсе неясны. На бродячего заклинателя, промышляющего ради куска хлеба, он не похож, да и на странствующего благочестивого монаха — тоже. Временами, едва шевельнув пальцем, я улавливал в нём нечто суровое и мстительное.

Цзян Шинин растеряннo моргнул: — Что еще за суровость и мстительность? Объясни так, чтобы и мне было понятно.

Сюэ Сянь издал презрительный звук, бросил на него уничижительный взгляд и скривился: — Проще говоря, он не похож на обычных монахов. Раньше я всё ломал голову, в чем же именно разница, а теперь думаю: должно быть, в нём недостает той мягкости, что рождается от следования обетам. Тебе не кажется, что в иные моменты он вполне способен совершить убийство, не задумываясь о запретах?

— ... — Цзян Шинин немного помедлил, а затем покачал головой: — Едва ли. Впрочем, признаться честно, я и сам его почему-то побаиваюсь.

Сюэ Сянь фыркнул: — Ну вот видишь, то на то и выходит.

Раз уж зашла речь о неясном происхождении, Цзян Шинин вдруг вспомнил одну деталь: — Верно! А помнишь, в том доме... ты не улавливал какого-то лекарственного духа?

— Улавливал, я даже сам удивился: неужто этот лысый сам хворает и пьет отвары? — ответил

Сюэ Сянь.

— Я вырос среди лекарственных запахов и к ним очень чувствителен, — погрузившись в раздумья, произнес Цзян Шинин. — Запах того зелья был мне до боли знаком — он на семь частей схож с тем, что принимает один наш сосед, годами лечившийся в нашей семейной лавке.

Сюэ Сянь приподнял бровь: — И что за недуг он лечит?

Цзян Шинин немного поколебался: — Меланхолию и потерю души.

Страдающие этим недугом люди зачастую не смыкали глаз всю ночь, мучились ночными кошмарами от испуга, а порой, пробудившись, совершенно забывали всё, что происходило ранее. Память у них зияла провалами, создавая впечатление, будто дух покинул тело — оттого болезнь и звали потерей души.

— Потерю души? У этого лысого? — Сюэ Сянь презрительно усмехнулся и махнул рукой. — Да в нём же ни капли испуга, ночных кошмаров или затуманенного рассудка! С чего бы вдруг?

— С виду он действительно не похож на человека с провалами в памяти, но... — Цзян Шинин на мгновение задумался. — Насколько мне доводилось видеть, у некоторых больных потеря души проявляется очень ярко: из-за путаницы или пробелов в памяти они мнутя, когда о чём-то говорят, их лица вечно угрюмы, а во взгляде нет ни капли бодрости. Но бывают и другие. Возможно, из-за врождённой подозрительности они держатся настороже, избегают лишних откровений и всеми силами обходят стороной те участки памяти, где зияют провалы, рассказывая лишь о том, что помнят наверняка. Если общаться с ними не слишком близко, то с первого взгляда и впрямь не заметишь ничего странного.

Сюэ Сянь пожал плечами: — Даже если взять тех, кто похитрее, неужели они станут слоняться по всем улицам подряд? Раз уж не хочешь привлекать внимания, будешь действовать осмотрительно, стараясь не контактировать с посторонними, чтобы не выдать себя. Какой же амнезик станет в одиночку путешествовать по свету, цепляя на свою голову то живых, то мертвых? Это уже не потеря памяти, а помешательство рассудка.

Цзян Шинин кивнул: — Пожалуй, ты прав.

— Но даже если дело не в потере души, у этого лысого есть и другие проблемы, — вспомнив, как Сюань Минь на полуслове оперся о стол и тяжело опустился на стульчик, Сюэ Сянь сменил тон на более серьезный. — Человек с таким туманным прошлым и непостижимым уровнем сил вряд ли станет бесцельно шататься повсюду — в уезд Нинъян он явился не просто так. Однако за целый день он сделал лишь две вещи, которые его вроде бы совершенно не касались: поймал нас двоих да разрушил фэн-шуй-массив семьи Лю.

Услышав это, Цзян Шинин не преминул добавить: — Он ведь ещё упокоил старуху Лю, помог мне вернуть колокольчик, помог тебе достать золотую бусину и...

Он не договорил, умолкнув на полуслове. Если поразмыслить в таком ключе, поступки Сюань Миня и впрямь выглядели странно и бесцельно. Одно дело — оказать случайную услугу по пути, но ведь на деле вся эта возня в усадьбе семьи Лю отняла у него целое утро, потребовав немало времени и сил. Чего ради он вообще всё это затевал?

— Судя по его словам, он вроде бы собирался проявить милосердие до конца и отвезти твой колокольчик к твоей сестре, — вновь вертя в пальцах золотую бусину, обронил Сюэ Сянь. — В Аньцине мне доводилось бывать. От Нинъяна это не тысяча ли пути, но всё же лежит через целую реку. Если он помогал просто так, без всякого умысла, то это чересчур щедро. А у этого лысого лицо такое, будто за окном свирепствует северный ветер в разгар лютой зимы — разве вяжется с ним хотя бы одно слово о душевном тепле?

Закончив говорить, Сюэ Сянь невольно представил в мыслях, как этот лысый чёрец мог бы проявить душевное тепло.

Спустя мгновение вредный дух содрогнулся всем телом от макушки до поясницы и бесстрастно произнес: — Спасите, чуть со страху не помер.

Цзян Шинин: — ...

Хоть этот предок и казался непутёвым, рассуждал он вполне здраво. Впрочем, раз уж речь зашла о бесцельной помощи людям, Цзян Шинин покосился на него: — А ты в самый первый день по приезде в уезд Нинъян разве не занимался тем же самым — без всяких важных дел возился с моим бумажным телом?

Сюэ Сянь не задумываясь бросил: — То совсем другое.

— Честно говоря, я до сих пор так и не понял: в Нинъяне столько пустующих усадеб, с чего ты вдруг вздумал заявиться именно в наш заброшенный дом? — покачал головой Цзян Шинин. — Холодно, темно, солнца не видит — у тебя поистине извращенный вкус, любишь же ты искать себе трудности.

— Хочу и ищу, а ты мне указывать будешь? — тут же огрызнулся Сюэ Сянь.

Этот предок, не умевший толком вести беседу, даже когда огрызался, не устаивал собеседника взглядом — всё его внимание было приковано к драгоценной бусине.

Тёплый жёлтый свет свечи придавал бледной коже Сюэ Сяня подобие живого румянца. И хотя каждое его слово так и просилось наотмашь, внешность у него была отменная: в тени длинных густых ресниц свет от пламени чертил изящные полукружья, а в полуприкрытых, ленивых

глазах отражались сияющая золотая бусина и метель за дверью.

Столько в Нинъяне было крыш, способных укрыть от ветра и дождя, почему же он направился именно во врачебную лавку семьи Цзян, да ещё и потратил целые сутки на то, чтобы изготовить для какого-то книжника бумажное тело?..

Точных причин Сюэ Сянь уже не помнил. Его жизнь длилась куда дольше человеческой, и если бы он хранил в памяти мельчайшие подробности каждого дня, его драконья голова давно бы лопнула от перенапряжения.

Он помнил лишь то, что однажды зимой из-за какого-то дела отправился на север и на обратном пути случайно проезжал через уезд Нинъян.

Стоял, кажется, вечер. В Нинъяне шёл такой же редкий снег, как и этой ночью, на улицах почти не было прохожих, даже лотки харчевен и винных лавок закрылись загодя, и вся улица казалась пустынной и одинокой.

В те дни Сюэ Сяня ещё не лишили жил и сухожилий, и ноги его носили исправно.

<http://bllate.org/book/21932/2278728>